

Глава 2. ЭПОХА АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ

НОВАЯ ЭРА?

Можно ли считать, что со смертью Людовика XI в истории Франции наступила новая эра? Несомненно, с воцарением Карла VIII и его преемников начинается, невзирая на их поражения, другая эпоха — эпоха внешних войн. В действительности политическое присутствие французской короны в Италии имело давнюю историю, о чем напоминала «Сицилийская вечерня» (1282), не говоря о различных походах, пробудивших страстный интерес к богатствам Италии и Востока.

Но подлинные исторические сдвиги заключались в другом. Это, прежде всего, появление деятелей, представителей различных реформационных течений, которые ставят под вопрос прежние религиозные авторитеты и потрясают силой своего сомнения самые основы государства. Это также расширение границ мира, происшедшее благодаря Великим географическим открытиям: началась заокеанская экспансия. Следует отметить, что изначальным толчком к ней послужили вовсе не усилия Франции, а территориальные изменения в соседних с ней странах, которые полностью изменили место Французского королевства в Европе.

Завоевание империи инков совпало по времени с деятельностью Лютера. Тогда же Жак Картье, высадившись в устье реки Св. Лаврентия, открыл Канаду, а Кальвин опубликовал «Наставление в христианской вере».

Эти явления обусловили в той или иной степени преобразования, охватившие Францию вплоть до Великой французской революции, и стали характерными чертами формирования абсолютизма.

Одной из особенностей, характерных для развития французского государства в период между началом правления Карла VIII и эпохой Генри-

ха IV — т.е. в целом в XVI в., — являются значительные изменения в функционировании монархической власти.

Еще в начале эпохи Возрождения монархия утверждает свою власть путем ведения войн, которые должны легитимизировать подчинение королевской власти. Во время Итальянских войн монарх как предводитель войска рисковал собственной жизнью, сражаясь с неприятелем. В сражении при Форново (1495) Карл VIII изображен сражающимся с мечом в руках, в битве при Аньяделло (1509) Людовик XII ожесточенно наносит удары своим врагам, а Франциск I, презрев смертельную опасность, участвует в битве при Мариньяно (1515). И как на войне, смерть от рук палача находит тот отступник, который осмеливался оскорбить монарха, поклявшегося искоренить всякое инакомыслие. Эти завоевания, применение насилия позволяют монархии совершить «скачок вперед на пути развития государства». Теперь ей стали больше не страшны заговоры удельных князей, как в былые времена: она использовала в своих целях насилие, широко применявшееся в жизни дворянского сословия.

Таким образом, как отмечает историк Дени Крузе, начиная с 1559 г. происходит резкое изменение ситуации во Франции. Прежде всего, это подписание Като-Камбрезийского мира 1559 г., прекратившего Итальянские войны. Во время рыцарского турнира погибает Генрих II, что, по мнению кальвинистов, стало заслуженным концом для короля-гонителя: монарх — носитель жестокости сам стал ее жертвой. Скоро сердце юного Франциска II будет захоронено, но перед этим — искусано солдатами. То же ожесточение проявлялось и со стороны католиков, недовольных указами о восстановлении религиозного мира: королевские законы не должны расходиться с божественными. Отныне монарх в период Религиозных войн обосновывал священный характер своей власти не возможностью осуществлять или же обуздывать насилие, а способностью поддерживать мир между подданными. Апологетом этой идеи был канцлер Мишель де Л'Опиталь, стремившийся к триумфу Екатерины Медичи, а затем Генриха III: этим триумфом должен был стать межконфессиональный брак дочери Екатерины — Маргариты де Валуа с Генрихом Наваррским. Призванный стать символом примирения католиков и гугенотов, этот брак распался после Варфоломеевской ночи 1572 г.

Хронология: Французское королевство в эпоху Реформации и религиозных войн

1476 г.	Первое издание печатной Библии в Париже
1477 г.	Гибель Карла Смелого в битве при Нанси; брак Максимилиана I Габсбурга с Марией Бургундской
1481 г.	Учреждение инквизиции в Испании; Людовик XI присоединяет к Франции Мэн и Турень
1483 г.	Смерть Людовика XI; издание «Декамерона» во Франции
1487 г.	Осуждение Пико делла Мирандолы папской курией; Филипп де Коммин начинает работу над своими «Мемуарами»
1491 г.	Брак Карла VIII с Анной Бретонской; выходит «Введение в «Метафизику» Аристотеля» Жака Лефевра д'Этапля
1492 г.	Христофор Колумб пересекает Атлантический океан; Александр VI Борджиа становится папой римским; взятие Гранады — конец Реконкисты; издан эдикт против испанских евреев
1494 г.	Поход Карла VIII в Италию. В Неаполе он коронуется как император Востока
1497 г.	Отлучение от Церкви Савонаролы, обличавшего пороки папы Александра VI Борджиа
1498 г.	Людовик XII становится королем Франции. Его брак с Анной Бретонской
1499 г.	Поход Людовика XII в Италию
1500 г.	Первое издание «Адагий» Эразма Роттердамского
1511 г.	Римский папа Юлий II учреждает «Священную лигу», направленную против Франции; издана «Похвала глупости» Эразма Роттердамского
1512 г.	Битва при Равенне: французский король теряет Италию
1515 г.	Смерть Людовика XII; король Франциск I одерживает победу при Мариньяно, приглашает во Францию Леонардо да Винчи и заключает мир с папой Львом X

- 1516 г. Подписан «Вечный мир» между Францией и швейцарскими кантонами.
Никколо Макиавелли завершает свой трактат «Государь»; в свет выходит «Утопия» Томаса Мора
- 1517 г. Мартин Лютер публикует «95 тезисов»
- 1519 г. Франциск I претендует на императорскую корону. «Лагерь из золотой парчи»
- 1521 г. Мартин Лютер отлучен от Церкви
- 1522 г. Лютер переводит Библию с латинского на немецкий язык
- 1523 г. Измена коннетабля Шарля де Бурбона; реформы Ульриха Цвингли в Цюрихе
- 1524 г. Смерть французского полководца Пьера де Баярда
- 1525 г. Битва при Павии: Франциск I попадает в плен
- 1526 г. Выходят «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы; между Францией и Священной Римской империей подписан Мадридский договор
- 1527 г. Разграбление Рима войсками Карла V
- 1528 г. Подписан франко-турецкий торговый договор; церковный собор в Сансе
- 1529 г. «Дамский мир» в Камбре
- 1530 г. Франциск I учреждает Коллеж де Франс; в Священной Римской империи проводится Аугсбургский сейм, на котором принимается «Аугсбургское исповедание»; завоевание Перу испанскими конкистадорами
- 1532 г. В свет выходит «Пантагрюэль» — первая часть дилогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»
- 1534 г. «Дело о листовках»: гугенотские листовки распространяются во Франции, что вызывает гнев короля; экспедиция Жака Картье в Канаду
- 1535 г. Разгром анабаптистской коммуны в Мюнстере
- 1536 г. Вторжение войск Карла V в Прованс
- 1538 г. Преследования протестантов во Франции; встреча Франциска I и Карла V в Эг-Морте
- 1540 г. Утверждение папой ордена иезуитов
- 1541 г. «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина переведено на французский язык
- 1545 г. Открытие Тридентского церковного собора

- 1547 г. Смерть Франциска I. Французским королем становится Генрих II
- 1549 г. В свет выходит трактат Жоашена дю Белле «Защита и прославление французского языка»
- 1553 г. Осада Меца войсками Карла V; казнь Мигеля Сервета; выход в свет сборника Пьера де Ронсара «Любовные стихи»
- 1556 г. Отречение императора Священной Римской империи Карла V от власти
- 1557 г. Битва при Сен-Кантене: французские войска разбиты испанцами и их союзниками
- 1558 г. Брак дофина (будущего короля Франциска II) с Марией Стюарт
- 1559 г. Като-Камбрезийский мир между Францией, с одной стороны, и Англией и Испанией — с другой; смерть короля Франции Генриха II; издание сборника новелл Маргариты Наваррской «Гептамерон»; казнен советник парижского парламента — кальвинист Анн дю Бур
- 1560 г. Франциск II становится королем Франции; Амбуазский заговор гугенотов против Франциска II. Мишель де Л'Опиталь становится канцлером Франции; издание Роморантенского эдикта, ослабляющего влияние инквизиции
- 1561 г. Диспут в Пуасси, созванный ради примирения католиков и гугенотов
- 1562 г. Резня гугенотов в Васси. Первая религиозная война; выход в свет поэтического сборника Ронсара «Рассуждения о бедствиях нашего времени»
- 1563 г. Убийство герцога Франсуа де Гиза; Амбуазский мир между католиками и гугенотами: конец Первой религиозной войны во Франции
- 1564 — 1565 гг. Поездка французского короля Карла IX и Екатерины Медичи по Франции
- 1569 — 1570 гг. Третья религиозная война: ее завершает Сен-Жерменский мир
- 1572 г. Издание поэмы Ронсара «Франсиада»; Варфоломеевская ночь; Генрих Наваррский переходит в католицизм; Четвертая религиозная война

1574 г.	Смерть Карла IX. Генрих III становится королем Франции
1576 г.	Создание «Католической лиги»; Пятая и Шестая религиозные войны; издание трактата Жана Бодена «Шесть книг о государстве»
1580 г.	Опубликованы «Опыты» Мишеля Монтеня
1584 г.	Смерть Франциска, герцога Алансонского и Анжуйского: пресечение династии Валуа; отлучение Генриха Наваррского от Церкви папой Сикстом V; Седьмая религиозная война
1588 г.	«День баррикад»: восстание католиков в Париже. Созыв Генеральных штатов в Блуа; убийство герцога Гиза и его брата Людовика, кардинала Лотарингского
1589 г.	Смерть Генриха III. На титул короля претендуют Генрих Наваррский и Карл Майенский; 20 сентября Герцог Майенский становится главой Лиги; победа Генриха IV в битве при Арке
1590 г.	Битва при Иври: Карл Майенский побежден Генрихом IV
1591 г.	Террор Лиги в Париже
1593 г.	Генрих IV снова переходит в католичество и коронуется в Шартре как король Франции; изгнание иезуитов Парижским парламентом
1595 г.	Генрих IV спасает Бургундию от испанского вторжения, заключает мир с папой римским и вступает в Париж
1598 г.	Издание Нантского эдикта о свободе вероисповедания во Франции; подписание Вервенского мира с Испанией

ИСТОКИ ПРОТЕСТАНТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тяжелые испытания обрушились на западное общество. Францию уже более ста лет потрясали всевозможные бедствия, и прежде всего война. Конечно, она длилась с перерывами, но это лишь увеличило опустошительные последствия. При этом ее бедствия народ связывал с теми, кто правил страной, а вовсе не со вспышками чумы, поразившей население и оставшейся неразгаданным злом... С 1347 по 1536 г. вспышки эпидемии происходили более двадцати раз, т.е. в среднем каждые восемь лет. В дальнейшем во Франции ее всплески становятся более локальными, но она продолжает бушевать в Лондоне, Италии, затем в Испании, а в 1720 г. происходит ее рецидив в Марселе. В 1347—1357 гг. города Альби и Кастр лишились половины населения, в 1450 г. в Париже насчитывалось не более 40 тысяч человек. Эта жуткая картина похожа на кошмар, который стал причиной происшедшего в Лондоне великого пожара во время чумы в 1606 г. и который позже был описан Даниэлем Дефо.

И в это тяжелое время, когда свирепствует эпидемия и идет война, когда каждый день люди молятся об избавлении от турецкой угрозы, не чувствуя себя защищенными даже властью государей, истреблявших друг друга, только Церковь и религия представляли собой, по мнению христиан, если не защиту, то хотя бы прибежище от бед. Но и в Церкви в результате Великой схизмы наступил раскол... Все эти события смущали умы, вселяли страх и пробуждали дурные чувства. Конец света казался близким, и жизненные силы люди черпали только в вере.

С момента рождения, получая при крещении имя, которое зачастую было важнее фамилии, христианин становился членом Церкви и должен был оставаться им до своей смерти: тогда призванный им священник часто приносил ему мощи или совершал обряд причащения под звон колокольчика, который держал в руке мальчик-певчий. И все, что человек делал с рождения до смерти, несло на себе отпечаток религии. Перед трапезой глава семьи произносил молитву, и все осеяли себя крестным знамением; люди перекрещивали хлеб, прежде чем отрезать от него ломоть. Нельзя было есть сало во время Великого поста, нельзя было варить капуна в пятницу — существовали бесконечные предписания, несоблюдение которых влекло за собой в эти смутные времена наказание — битье кнутом или палочные удары. Если люди женятся, то таинство брака дарует им благодать, а священник добавляет свое благословение; если человек заболевает, то настоящее исцеление к нему придет лишь от самого Бога или через посредничество святых; если же человека поразила чума,

он дает обет св. Себастьяну или, если может, совершает паломничество к мощам св. Иакова в Сантьяго-де-Компостелу или к мощам св. Петра в Рим. Религия присутствовала и в профессиональной жизни человека, ибо в Монпелье, впрочем, как в любом другом месте, степень лиценциата или доктора можно было получить только с одобрения Церкви. В 1521 г. Франциск I, задумав учредить во дворце Несль школу преподавания греческого языка, предусмотрел при ней часовню. Точно так же религия сопровождала работу в цеховых братствах, имевших собственные часовни, и как раз во время мессы в 1358 г. ткачи пели молитвы, стараясь задержать начало рабочего дня. В воскресенье и во время праздников работать запрещалось.

Таким образом, Церковь и религия были слиты воедино с повседневной жизнью, а их служители, принимавшие участие во всех церковных и мирских делах, освящали государственную власть, служили проводниками ми правосудия...

Но в те десятилетия, когда на страну обрушились эпидемия чумы и другие бедствия и когда гремела слава герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного и Пьера Баярда — «рыцаря без страха и упрека», Божья церковь не подавала пример добродетели и мужества. Лютер, нещадно критиковавший ее в 1539 г., когда в Виттенберге свирепствовала чума, писал: «Все бегут один за другим, и очень трудно найти кого-нибудь, кто мог бы ухаживать за больными и утешать их. Полагаю, этот страх, что дьявол вселил в сердца несчастных людей, и есть самая ужасная чума... Конечно же, это кара за пренебрежение к слову Божьему и за страшную алчность». Несомненно, эта «страшная алчность» была одной из причин протеста Лютера: папа Лев X ежегодно имел выручку в полмиллиона дукатов от продажи административных церковных должностей (синекур).

Церковные власти в своих отношениях с обществом воплощали скорее закон, чем пастырское служение. Большинство преступлений искупалось в церковном суде уплатой штрафа, а продажа разрешений на заключение близкородственного брака (который вообще-то был запрещен) приносила очень большую прибыль, и некоторые богословы изобрели даже «духовное» родство, не требовавшее кровной связи и приобретавшееся за меньшую цену. «Примите к сведению, что подобные привилегии и льготы не предоставляются беднякам», — заявлял один из папских сановников.

Именно торговля индульгенциями, связанными с представлением о чистилище, вызвала яростный протест Лютера, передавшего свое возмущение определенной части христианской Европы. Чистилище не упо-

минается в Библии. Это находящееся между адом и раем место было «выдуманно». С того момента, как представление о чистилище передается верующим из поколения в поколение и укореняется в христианстве, жизнь верующего меняется, поскольку в его представлении смерть больше не является последней границей существования человека. Первые явные упоминания об этом промежуточном периоде загробной жизни и месте, в котором он протекает, относятся к XII – XIII вв., а церковное признание это представление впервые получило в 1254 г. Но своим распространением оно обязано славе «Божественной комедии» Данте, первые две части которой (кантики) — «Ад» и «Чистилище» — были закончены к 1319 г. Папа Бонифаций VIII в 1300 г., когда им был установлен первый так называемый «юбилейный год», даровал полное отпущение грехов всем тем, кто умер во время паломничества, приняв тем самым решение о немедленном освобождении некоторых умерших, пребывающих в чистилище, от всех мук. Так живые впервые получили возможность освобождать души из чистилища, тогда как раньше загробная участь человека определялась его земными заслугами.

Но вскоре Церковь начинает использовать этот путь к спасению души для организации торговли индульгенциями, позволявшими любому человеку сократить для себя или других срок определенного Богом наказания, перед тем как открыть двери рая. Принесение даров Деве Марии, почитание святых мощей — все эти возможности и право на приобретение индульгенций Церковь предоставляла людям. В замке герцога Саксонского хранилось 17 413 мощей, позволявших их почитателям уменьшить время пребывания в чистилище на 128 тысяч лет. Среди этих реликвий — ветка неопалимой купины, фрагменты колыбели Иисуса Христа и частицы его пеленок и т.д.

Получив большое распространение при папе Сиксте IV и особенно при Льве X, эта бесстыдная торговля индульгенциями, эксплуатировавшая страх простых людей, вызвала негодование Лютера и придала силу его борьбе. Против Церкви, ставшей объектом критики, выдвигались и другие обвинения. Так, Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» упрекал монахов, презревших свой долг — умерщвлять плоть и молиться о спасении христиан. «Во-первых, они уверены, что высшее благочестие состоит в строжайшем воздержании от всех наук и лучше всего — вовсе не знать грамоты. Засим, читая в церквах ослиными голосами непонятные им псалмы, они пребывают в убеждении, что доставляют великую усладу святым. Иные из них бахвалятся своим неряшеством и попрошайничеством и поднимают страшный шум у дверей, требуя милостыню... к немалому ущербу для прочих нищих. Своей грязью, невежеством, гру-

бостью и бесстыдством эти милые люди, по их собственному мнению, уподобляются в глазах наших апостолам»*.

Но для страдающих людей подобная критика образа жизни священнослужителей не распространялась на веру. Для них лишь Библия являлась непререкаемым авторитетом. Возвращение к древним текстам, свободным от искажений смысла, подчеркивало внутреннюю веру человека, минуя иерархию, обряды и пр.

Но, по правде говоря, это критическое осмысление имело глубокие корни. В начале II тысячелетия массовая религиозная истерия сошла на нет, но остался страх, что сбудутся пророчества Апокалипсиса — произойдет освобождение сатаны, который явится людям. В противостоянии императора и папы в эти смутные времена видели «отвратительную греховную склонность», а всю надежду на спасение люди возлагали лишь на монашество, особенно на цистерцианцев. Вместе со страхом перед пришествием Антихриста родилась надежда на перемены к лучшему, источником которых могла стать светская власть в лице государя, призванного освободить церковь от ее богатств, заставив ее тем самым вновь заблистать, «словно чистое золото». Эта идея очищения духовной власти высказывается во многих произведениях Иоахима Флорского, аббата из Южной Италии. По его мнению, вся мировая история делится на три эры: первая — Бога (Отца) — воплощается в Ветхом Завете; истина, заключенная в Новом Завете, снисходит в эру Бога Сына; грядущей же эре Святого Духа будет предшествовать установление монастырского порядка, который придет на смену церковной иерархии. Эти идеи получили широкое распространение среди части францисканцев и нашли отражение в возникшем на юге Франции движении бегинов, призывавших к борьбе с Церковью, превратившейся в «великую вавилонскую блудницу»; папу Иоанна XII они считали «тайным Антихристом», расчищавшим дорогу «великому Антихристу». Затем после чумы 1348 г. появляется движение флагеллантов, призывавших не бояться Божьей кары и последующего светопреставления. Эти воззрения были восприняты радикальным крылом движения гуситов в Богемии и возрождены в период Великого раскола.

Несомненно, что основной тенденцией стала критика поведения Церкви, но вскоре был взят под сомнение и мирской порядок вещей. Различные религиозные течения, начиная с альбигойской и вальденской ересей, в эпоху Эразма Роттердамского, Лютера и — чуть позже — Кальвина начинают соединяться друг с другом, образуя сложный сплав.

---

* Пер. с лат. И. Губера.

Конечно же, тем широким общественным резонансом, который получили идеи мыслителей этой эпохи, они обязаны изобретению и развитию книгопечатания. Именно благодаря ему многие воззрения получили такое широкое распространение, даже несмотря на скромные тиражи того времени. Следует обратить внимание на то, что география французского книгопечатания, отстававшего в развитии от соседних стран, отражала характерные черты городского уклада. В Западной Европе было основано около тридцати типографий, преимущественно в городах, располагавших университетами, число которых в XV в. стало расти. И первым делом здесь стали издавать религиозные сочинения на латыни и на национальных языках, Библию, «Подражание Христу» и др. Известны 30 тысяч оттисков, изготовленных с 1450 по 1500 г. и соответствующих 10 или 15 тысячам печатных текстов. Это затрудняет определение действительного количества выпущенных в свет книг. Число изданий в год меняется со 198 экземпляров в 1515 г. до 322 в 1549 г. Пик популярности книг религиозного содержания пришелся на начало XVI в., но с 1528 г. их по тиражу обошли произведения классиков античности — греческих и римских авторов. Считается, что около тридцати публикаций Лютера с 1517 по 1520 г. вышли тиражом более чем 30 тысяч экземпляров, сначала на немецком, а затем и на французском. Таким образом, лютеранство — дитя книгопечатания, и поэтому данное учение развивалось прежде всего в городах. Ведь именно в них с наибольшей силой проявились и социальная напряженность, и незащищенность жителей, и столкновения с властью. Но в Германии крестьянское восстание опиралось также и на учение Лютера, призывавшего к обновлению мира, упразднению церковных богатств, провозглашавшего земной мир лучшим миром, в котором все бедные и обездоленные станут первыми. И с Библией в руках немецкие крестьяне, как участники Жакерии во Франции несколькими десятилетиями раньше, обливали кровью и предавали огню замки и монастыри.

Таким образом, движение Реформации, будучи прежде всего религиозным, нельзя сводить исключительно к социальному вопросу, даже если в отдельных местах и имелась связь между растущей бедностью и распространением новых воззрений. И наоборот, в таких областях, как Аквитания и Нормандия, именно нотабли, т.е. люди более образованные, чем все остальные, следовали в русле гуманистической традиции и восставали против искажения смысла законов. В Тулузе, как в Париже или Бордо, простой народ оставался верен католицизму. Утрата Церковью авторитета, усиление светского начала в обществе, конечно, оказали влияние на общий характер реформационного движения, но суть протеста заключалась в осуждении не столько дурного образа жизни священно-

служителей, сколько их маловерия. Называя мессу «развратом», культ святых — «распутством», храмы — «борделями», протестанты в грубой и резкой форме демонстрировали полное неприятие католических обрядов. Они настаивали на «оправдании» — спасении души с помощью веры, а не дел, на непогрешимости одной лишь Библии.

Посредством прямого общения с Богом, с Библией в руках, протестанты стремились включиться в процесс всеобщего обновления людей, раз и навсегда освобожденных от страха. Они хотели покончить со злоупотреблениями и ложью, с кабаками и развратом, с танцами и бесстыдством, с праздничными гуляниями и развлечениями.

Так, вместе с обязательным для каждого верующего трудом, появилась свойственная протестантизму строгость.

Аскетичный образ жизни, построенной на труде, неприятие в качестве оправдания поступков, вера в предопределение свыше — все это навело Макса Вебера в начале XX в. на мысль, что разрыв, образовавшийся таким образом между верой и ожиданием посмертного воздаяния, с одной стороны, и земной жизнью — с другой, разрушил католическое восприятие экономических отношений, враждебное всякой выгоде, и способствовал подъему капитализма. Говоря об этой взаимосвязи, следует уточнить, что Реформация нашла наиболее благоприятную среду для распространения своего учения там, где уже активно развивались торговля и банковское дело, в первую очередь в Амстердаме и Женеве.

МЕЖДУ РЕФОРМАЦИЕЙ И КОНТРРЕФОРМАЦИЕЙ

Благодаря гуманистам, Жаку Лефевру д'Этаплю и другим высокообразованным деятелям из так называемого «кружка в городе Мо», переводчикам и распространителям Библии, христиане открыли для себя Священное Писание как нравственное учение. Но в мире, где царит страх как перед бедствиями земной жизни, так и перед потусторонним миром, люди искали утешения прежде всего в вере. Можно ли было ее достичь с помощью религиозных таинств и молитв, богослужений и крестных ходов, проявлялась ли она в силе веры или в поступках? Лютер ответил на их ожидания, проповедуя, что человек всей своей жизнью недостоин спасения, но он может, уповая на Господа, заслужить его своей верой. Этот призыв приняли без обвинений Лютера в ереси. В «Диалоге в форме ночного видения» Маргариты Наваррской, сестры Франциска I, есть такие строки:

Не уподобляйтесь тем неверующим,
что желают похвальными делами
заслужить рай.

Если же вы не хотите кичиться своей верой,
навлекая на себя гнев Господа,
и не мните себя в своем заблуждении святыми,
то, что бы вы ни делали и ни говорили,
верьте, что вы будете свободны,
если с вами пребудет любовь и милость Божья*.

Если христианские гуманисты пытаются осуществить реформы церкви, то Лютер, Цвингли и Кальвин порывают с нею, начиная с публикации «95 тезисов» Лютера в Виттенберге. Они сурово осудили тот факт, что Церковь присвоила себе право отпускать грехи людям, не прошедшим таинство покаяния: как будто оно может быть разовым и покупаемым, особенно при помощи индульгенций, тогда как на самом деле процесс покаяния представляет собой процесс, который длится на протяжении всей жизни каждого христианина...

В 1518 г. в Риме начался процесс над Лютером, но к тому времени в Германии самые крупные города отвергли главенство папы; так же поступили Швеция, Англия при Генрихе VIII и другие страны. В 1523 г. в Антверпене (Фландрия) были казнены два первых мученика протестантизма.

В 1519 г. печатник Фробен сообщил Лютеру об отправке шестисот экземпляров его сочинений во Францию: «Книги продаются в Париже, и даже доктора Сорбонны одобрили их». В Нуайоне, Амьене, Меце образованные люди переходят в протестантскую веру. В Латинском квартале появляется протестантская конгрегация. В больших и маленьких городах новые идеи распространяются с быстротой молнии. Ими охвачена вся Франция, за исключением Бретани и центральной части страны.

Поначалу Франциск I не был противником идей, столь нежно любимых его сестрой. Объединившись с немецкими протестантскими князьями в борьбе против императора, он был, тем не менее, возмущен, когда в 1534 г. повсюду, включая его собственную спальню в замке Амбуаз, обнаружились листовки, направленные против католического богослужения. Глубоко оскорбленный, Франциск I санкционировал преследование приверженцев нового учения, что в скором времени привело к уничтожению трех тысяч вальденсов в Провансе и ремесленников-протестантов в городе Мо. Многие из сторонников нового учения были вынуждены

---

* Пер. с фр. В. Ковалева.

отправиться в изгнание в Женеву, где проповедовал Жан Кальвин. Среди беженцев оказался и поэт Клеман Маро, ставший популяризатором новых идей: его книга переводов «Псалмы» выдержала с 1543 по 1563 г. пятьдесят изданий.

Следует указать на один из важных факторов успеха Кальвина: большинство его приверженцев были французами, и поэтому между 1559 и 1581 гг. Кальвин послал во Францию более 120 миссионеров, а 72 местные церкви спешно направили своих представителей на первый синод кальвинистских церквей, состоявшийся в Париже. В 1561 г. адмирал Гаспар де Колиньи мог гордиться тем, что существует уже 2150 конгрегаций.

Именно здесь кроется различие между Лютером и Кальвином, учения которых поначалу были родственными. Первый, заключая или не заключая соглашений с властью, во время Крестьянской войны в Германии все же встал на сторону государства. Второй же занимался организацией церкви, хотя сначала попытался обратиться к королю, опубликовав французский перевод своего «Наставления в христианской вере» и снабдив его предисловием, посвященным монарху. «Мне несколько не стыдно признать, что в своей книге я постиг (т.е. сжато изложил) почти целиком [т.е. в сокращенном варианте] то учение, приверженцев которого наши противники почитают заслуживающими наказания — тюрьмы, изгнания, объявления вне закона, сожжения... Какими же ужасными наветами они наполнили ваш слух и ваше сердце, что сумели внушить такую ненависть к нам?».

Будучи человеком действия, Кальвин пытался создать с помощью своих трудов новую религиозную мораль и структуру, которые могли бы сформировать новый, реформированный тип христианской веры. Это вызвало беспокойство парижского богословского факультета, предавшего сожжению экземпляр «Наставления». Но это не препятствовало возникновению тайных группировок, состоявших в основном из преподавателей, монахов, торговцев, ремесленников, короче говоря, из образованных людей, которые собирались для исполнения псалмов.

Но король остался глух к призыву Кальвина, решившего, что необходимо продолжать возрождение Церкви, взяв на вооружение принцип мученичества.

Утверждение кальвинизма предполагало создание собственного церковного совета (консистории), что свидетельствовало об окончательном разрыве отношений с католицизмом не только в религиозном, но и в социальном плане, поскольку подлинное разделение накладывало на кальвинистов определенные требования, в частности запрет на браки с католиками. Естественно, кальвинистские проповедники призывали к отказу

от всех предрассудков папистов, к тому, чтобы причастившиеся не принимали участия в «извращенном богослужении», коим являлась, по их мнению, католическая месса.

В скором времени примерно десятая часть населения Франции обратилась в протестантизм, тяготея в большей степени к кальвинизму, нежели к лютеранству, а мученики новой веры становились ее воинами.

Но не все христиане, желавшие реформы Церкви, связывали ее с учением Лютера или Кальвина и одобряли появление Церквей-соперниц. Поэтому следует разделять тех, кто стремился возродить былое величие Церкви и даже папства, и тех, кто считал себя борцом за обновление христианства, но выступал против Реформации. Среди сторонников обновления Церкви существовало множество разногласий по различным частным вопросам, например отказываться ли от различных религиозных жестов, произведений искусства и святых даров. Так, особое неприятие у протестантов вызывали культ мощей, вера в реальное присутствие Тела Христова в облатке, многие ритуальные элементы мессы: коленопреклонение, крестное знамение и т.д., в то время как другие видели в этом ритуале проявление Божественной милости. Еще одним вопросом был социальный аспект реформы, поднятый на щит приверженцами анабаптизма и мельхиоризма, и обеспечивший протестантам поддержку обедневших крестьян и ремесленников. Около 1530 г. десятая часть Страсбурга принадлежала к этим вероучениям, принесшим с собой новую религиозную доктрину, согласно которой Иисус Христос не был рожден Марией и обладал единственной — Божественной природой. А в Мюнстере даже осуществили на практике идею провести обобществление собственности. Но страх народа перед хаосом скорее благоприятствовал католицизму, чем содействовал делу Реформации.

Естественно, католические силы, особенно во Франции, выступили против Реформации: богословский факультет Парижского университета провел четкую границу между ересью и правоверием. В 1522 г. был составлен индекс книг, запрещенных для чтения каждому честному католику. В 1528 г. церковным собором в Сансе был утвержден перечень положений, которым должен следовать истинный христианин. К ним относились: 1) celibat священнослужителей; 2) поклонение святым; 3) иконопочитание; 4) использование произведений искусства в религиозном культе; 5) признание свободной воли человека, способного отказаться от Божественной благодати; 6) семь таинств; 7) монашеские обеты; 8) существование чистилища; 9) действительное присутствие Тела Христова в евхаристии; 10) непогрешимость Церкви; 11) правомочность церковных соборов; 12) признание права Церкви проводить черту между священным и мир-

ским; 13) законность церковных институтов, утвержденных Римом; 14) необходимость земной Церкви.

Те же самые пункты, но с точностью до наоборот, отражали сущность и религиозную практику Реформации...

Подобное определение правоверия, утвержденное церковным собором, свидетельствовало о желании папства вступить в борьбу, и эту инициативу поддержали Парижский парламент и король.

Но наряду с теми, кто собирался держать оборону, находились и такие, кто желал вернуть католицизм к его прежней чистоте. Вместе со спиритуализмом существовала мистическая традиция, связанная с монашеством, в особенности с монахами-картезианцами. Нищенствующие ордены начинают реформироваться, монахи-капуцины расширяют свою деятельность в помощь беднякам... Но наконечником копья, которое держат в своих руках силы католической Реформации, становится прежде всего испанский мистицизм — массовое движение в области литературы, на счету которого было около трех тысяч печатных и рукописных изданий. К наиболее значимым фигурам этого движения относились Хуан де ла Крус и Тереза Авилская.

Кроме того, обновление в рядах истинных католиков символизируют фигура Игнатия Лойлы и взлет ордена иезуитов, утвержденного папой Павлом III в 1540 г. Пройдя путь от идеала военного служения — в борьбе с турками и другими мусульманами — к идеалу служения духовного, Игнатий Лойола пытался познать смысл возложенной на него Богом миссии. Не сумев обратить в христианство мусульманский мир, он поднимается в часовню Сен-Дени на Монмартре, где дает обет бедности, целомудрия и абсолютного послушания папе.

Стремясь быть защитниками веры, первые иезуиты сначала отправляются в Италию, а десять лет спустя их орден насчитывает уже около тысячи членов, образованность и дисциплинированность которых нацелены на отвоевание христианского и всего остального мира... под знаменем папы.

Этот католический поход, предпринятый ради возвращения утраченных позиций, так же как и движение Реформации, сопровождался полным отсутствием какой-либо терпимости и в скором времени превратился в прикрытие для всевозможных конфликтов.

Тридентский церковный собор (1545—1563) символизирует апогей папского стремления снова взять в руки бразды правления Церковью и стать образцом католической веры. Этот собор не просто объявил войну протестантской ереси. Он установил традицию, которая должна была иметь силу, равную Священному Писанию, а также передал образование

исключительно в руки клириков; при этом ничего не было сделано для того, чтобы привлечь мирян к участию в жизни Церкви. В эпоху расцвета гуманизма и науки Тридентский собор сосредоточил все внимание на отношениях человека и Бога. Ответной реакцией на его клерикализм должен был стать рост антиклерикальных настроений. Но широкое обсуждение на соборе всех проблем, связанных с религией, отношениями между Церковью и государством, сделало его уставы и постановления одним из важнейших памятников христианской мысли в истории.

ФРАНЦУЗСКИЕ КОРОЛИ И ИМПЕРИЯ КАРЛА V

Говоря о причинах Итальянских войн, следует указать на традицию, согласно которой король Франции Карл VIII обладал династическими правами на Неаполитанское королевство, унаследованными им от Анжуйской династии, и должен был оспорить их у Арагона. Людовик XII добавил к ним права на Миланское герцогство, доставшиеся ему от его прабабки Валентины Висконти. На этом основании оба короля, а позже и Франциск I на протяжении шестидесяти лет завоевывали и теряли четыре раза Неаполь, шесть раз — Милан и однажды — Пьемонт.

Свою роль здесь сыграли и мифические богатства Италии, о которых писали следующее: «В итальянских городах можно найти библиотеки, в которых книгам не видно конца, коллекции картин, мрамор и порфир». Всякий стремившийся к славе должен был найти себе место в стране Боттичелли. И если Гийома Брисоне, министра финансов при Карле VIII, а позже Антуана Дюпра, канцлера Франциска I, вдохновляла жажда наживы, а Карл VIII по прозвищу Любезный вдохновлялся прежде всего рыцарскими романами, то сами итальянцы также осознавали необходимость французских походов. Флорентийский проповедник Савонарола, клеймивший низость своего времени в целом и папы Александра VI Борджиа в частности, видел во французах «варварские орды», способные очистить полуостров от всех пороков. Но разве обладание Италией и Римом не означало для французских королей возрождения былого могущества Римской империи?

Желая обеспечить себе тыл и гарантировать успех похода, юный король Франции Карл VIII решает уступить Артуа и Франш-Конте Максимилиану I Габсбургу, а Руссильон и Сердань — Фердинанду II Арагонскому, отказавшись таким образом от приобретений Людовика XI. Филипп де Коммин и другие советники дали понять Карлу, что ради мнимой выгоды он жертвует действительно серьезным преимуществом... Но короля

воодушевлял и другой мираж: он мечтал о крестовом походе и восстановлении Иерусалимского королевства. О том, что когда-то произошло в Неаполе*, все уже забыли. Впервые армия, совершившая переход через Альпы, состояла из трех родов войск, ставших отныне определяющими: пехоты, кавалерии и артиллерии. Именно это нововведение способствовало первым успехам «неистовых французов». Но за триумфальным шествием сразу же последовали грабежи и насилие, и, чтобы положить этому конец, в Италии начинают формироваться антифранцузские коалиции.

Жители Италии начинают задумываться о причинах появления на Апеннинах мощной французской армии, а после поражения Карла VIII в битве при Форново (1495) уже множество торговцев и актеров решило перебраться в своих фургончиках через Альпы, чтобы попытаться счастья во Франции. На смену Карлу VIII пришел Людовик XII, которому удалось с помощью полководцев Пьера Баярда — «рыцаря без страха и упрека» — и Гастона де Фуа занять Милан. Однако Людовик умирает, и его наследник — юный Франциск I тоже совершает переход через Альпы с тридцатитысячной армией и в битве при Мариньяно (1515) одерживает блестящую победу над антифранцузской коалицией, созданной еще папой Юлием II в союзе с Венецией и Кастилией. Швейцарские наемники, выставленные коалицией против Франции, были разбиты наголову. «Они побросали свои пики и стали кричать: "Франция!"» — писал матери Франциск I.

Эта победа — одна из первых «патриотических» побед Франции после свершений Жанны д'Арк — была воспета в музыке Клемана Жанекена. Дворяне слушали ее со шпагой в руке, и «не было ни одного человека, который бы не подтягивался на носках, чтобы казаться более статным и высоким». Правда, в это же самое время коннетабль Шарль де Бурбон, участвовавший в битве при Мариньяно и причастный к этой блестящей победе, переходит к Габсбургам, и это рассматривается как измена не только своему сюзерену, но и всей Франции.

Пока французские монархи грезили о несметных сокровищах Италии, возникли новые обстоятельства, изменившие расклад сил...

В военном плане вторжения швейцарских пикинеров и кастильских пехотных фаланг (терций), а также объединение трех родов войск при Карле VIII означали изменение характера ведения военных действий.

В политическом же плане изменения заключались в том, что Французское королевство, еще лучше укрепленное Людовиком XI, стало домини-

---

* Речь идет о «Сицилийской вечерне»: 30 марта 1282 г. сицилийцы, восставшие против господства Анжуйской династии на острове, устроили массовую резню французов.

рующей державой в Европе, внушавшей опасения соседям. Ранее основным врагом Франции была Англия, но с восшествием на престол в 1519 г. Карла V им стал дом Габсбургов, под властью которых находилась часть Священной Римской империи, Нидерланды, Франш-Конте, Миланское герцогство, Неаполитанское королевство, Сардиния и Испания. Таким образом, у Франции сменился главный противник, а над Европой нависла угроза новой гегемонии — со стороны Габсбургов.

И так же как Франция грезилла об Италии, Карл V мечтал о Бургундии. Император, имевший бургундские корни, желал стать бургундцем. Он хотел быть похороненным в Дижоне и стремился присоединить Бургундию к владениям своей семьи.

Противоборство началось очень скоро: согласно воле Максимилиана I, Карл и Франциск оба являлись претендентами на корону Священной Римской империи. Будучи прямым потомком императора, Карл при этом имел весьма неопределенные виды на немецкие земли, которых он совсем не знал. Что касается Франциска I, то он прежде всего собирался напомнить о том, что является наследником Карла Великого, а после приобретения императорского титула он планировал... восстановить права на Миланское герцогство. Потерпев поражение в борьбе за титул, Франциск I не ударил в грязь лицом и поклялся, что он, в отличие от своего противника, не осыпал золотом принимавших решение курфюрстов... Хотя по правде говоря, его траты были больше той суммы, которую первые банкиры того времени — Фуггеры предоставили будущему Карлу V.

Это избрание стало *первой победой денег над феодальными обычаями*. Известно, что победу над верой они уже одержали: чтобы отправиться в Святую землю, «достаточно было заплатить венецианцам», и дальше все происходило так, как будто вы там побывали.

Как писал историк Пьер Шоню, известие о том, что Франциск I предъявил права на императорскую корону, пронеслось над Европой, словно смерч; став началом эпохи взаимного недоверия и ненависти, которая закончилась только со смертью одного из противников.

Карл V, получивший титулы императора, короля Испании и австрийского эрцгерцога, формально являлся более могущественным, чем Франциск I. Но, кроме тех трудностей, которые вытекали из необъятности его владений, императора угнетала и другая — самая главная проблема: часть его земель лежала совсем близко к «эпицентру циклона, несущего ураган» — очагу лютеранского учения, краткая вспышка которого пощадилла Францию. Карл V оказался перед неразрешимой задачей: он разрывался между верностью католичеству и уважением к лютеранам, между своими

нидерландскими и испанскими подданными, оставаясь в душе прежде всего бургундцем...

Тем временем беспокойный и импульсивный Франциск I переходит в наступление. В битве при Павии (1525) король показал себя скорее как воин, чем как военачальник. Имея явное преимущество в артиллерии, Франциск I бросает в атаку кавалерию, чтобы успешно завершить сражение. Но кавалеристы оказались на линии огня собственных пушек, вынужденных по этой причине прекратить стрельбу, и были перебиты. Король же, попав в окружение, сдался в плен вице-королю Неаполя Шарлю де Ланнуа. Именно тогда Франциск I написал своей матери, Луизе Савойской, фразу, ставшую знаменитой: «Все потеряно, кроме чести и жизни». Французское войско потеряло убитыми от шести до восьми тысяч человек — дворян и солдат: всех, кто не мог заплатить выкуп, подданные Карла V просто убивали. Франциск, на положении пленника увезенный в Кастилию, по Мадридскому договору был вынужден уступить Карлу Бургундию, отказаться от притязаний на Италию, вновь вернуть владения коннетаблю Шарлю де Бурбону и предоставить императору флот для войны против турок.

Но, как только Франциск I был освобожден, он, посчитав, что договор был подписан под давлением, возобновил войну. Однако его армия стала жертвой чумы в Неаполе, в то время как войска Карла V и его брата Фердинанда потерпели тяжелое поражение от турок в Мохачской битве.

Тогда в отношения между двумя противниками решают вмешаться Луиза Савойская, мать Франциска I, и Маргарита Австрийская, дочь Максимилиана I и тетка Карла V: в результате их встречи в Камбре в 1529 г. был подписан договор, называемый «Дамским миром». По его условиям Франциск I уступал Аррас, Лилль, Турне, Фландрию и Артуа, освобождая их от вассальной зависимости, а Габсбург отказывался от притязаний на Бургундию. По словам Маргариты Австрийской, «пожертвовать мечтой, столь глубоко укоренившейся в его сердце, ради интересов своих подданных было проявлением большого мужества» Карла V.

Но вскоре ситуация стала меняться: уже не Франция страшила соседей своим могуществом, а империя Габсбургов стала сжимать кольцо вокруг Французского королевства. Союз с Англией тоже не удалось заключить, несмотря на то что Франциск в 1520 г. на переговорах в «Лагере золотой парчи»* пытался ослепить роскошью Генриха VIII.

В связи с тем что Франциск I пошел на сближение с турками, в то время как Карл V предпринял крестовый поход в Тунис, в 1536 – 1538 гг. раз-

---

* Англичане называли его «Подем золотой парчи».

горелась третья война между ними, а в 1542 — 1544 гг. — четвертая. Однако этот столь возмутительный союз [Франции] с нечестивцами поразил гораздо меньше, чем того можно было ожидать. Истинную угрозу христианскому миру папа видел в протестантизме.

Когда в 1547 г. Франциск I умер, исхода давнего конфликта по-прежнему не было видно, и его преемник Генрих II возобновил войну в союзе с немецкими протестантскими князьями, решив атаковать Три епископства Империи* — Мец, Туль и Верден (1552). Через несколько лет изнуренный бесконечными войнами Карл V отрекся от престола и удалился в испанский монастырь в Юсте, где и умер в 1558 г. Отказ от всех титулов был символическим жестом, так как в первую очередь он отрекся от титула великого магистра ордена Золотого руна, изначально связанного с Бургундией. Брак его сына Филиппа II с английской королевой Марией Тюдор снова поставил под угрозу безопасность Французского королевства. В 1557 г. испанцы захватили Сен-Кантен, а французы отобрали у англичан Кале.

По Като-Камбрезийскому миру (1559), подписанному Генрихом II для того, чтобы получить возможность начать борьбу с протестантизмом, Франция сохраняла Кале и Три епископства, но теряла Савойю и Италию, отныне попадавшие под испанское влияние.

Из-за того что связь между королевством и Миланским герцогством была нарушена, именно Италиянские войны и конфликт с Карлом V дали толчок к возникновению Ренессанса во Франции. В Италии словом «*rinascita*» обозначали возрождение пришедшей в упадок античной культуры, одним из провозвестников которого стал Франческо Петрарка.

Таким образом, возникает новое деление всемирной истории: теперь уже не христианство сменяет эпоху язычества, а Средневековье (*Medium Aevum*), следовавшее за Античностью, уступает, в свою очередь, место эпохе Возрождения.

Готический стиль (*maniera tedesca*) сменяется «новым стилем на античный манер» (*l'antica e buona maniera moderna*). Приспособленные под новые художественные потребности, архитектурные принципы Витрувия становятся основой нового стиля, многочисленные переводы античного автора под редакцией молодых архитекторов, в том числе Рафаэля, получают большое распространение благодаря книгопечатанию, причем они издаются не только на итальянском, но и на француз-

---

* Три лотарингских епископства имели статус княжеств-епископств Священной Римской империи и были предметом соперничества до 1648 г., когда они были аннексированы Францией.

ском и кастильском языках. Один из прекрасных образцов нового стиля — внутренний двор палаццо Фарнезе в Риме был вдохновлен архитектурой Колизея и театра Марцелла с их классическим ордерам (дорическим, ионическим, коринфским). Но были и другие примеры. Восхищенный архитектурой Флоренции, Рима и Неаполя, Карл VIII решил перестроить Амбуазский замок, который еще недавно он сам приказать обновить. Граф д'Амбуаз, бывший вице-королем Милана при Людовике XII, приказывает перестроить замок Гайон, скульптурные украшения которого были выполнены в духе Ренессанса; король здесь представлен в образе римского императора. А новые замки Шенонсо, Блуа и Шамбор были построены в соответствии с идеями итальянских архитекторов, возможно — Доменико де Корлоны и Леонардо да Винчи. Прибытие ко двору Франциска I Себастьяно Серлио и начало работы в Париже Филибера Делорма и Пьера Леско, вкусы которых сформировались под влиянием итальянского искусства, дали новый толчок развитию дворцовой архитектуры (Лувр и замок-дворец Ане, построенный для Дианы де Пуатье). Еще одним великолепным образцом французского Ренессанса в период его расцвета является внутренний двор особняка Ассеза в Тулузе: сооружение сочетает в себе три типа ордера, вдохновленных трактатом Серлио, сравнивавшего систему ордеров с персонажами комедии.

После огромного успеха «Гаргантюа» Рабле и трактата «Защита и прославление французского языка» дю Белле, написанного в сотрудничестве с Ронсаром, характерной чертой развития Ренессанса во французской литературе стало постепенное формирование усилиями прозаиков нового художественного языка, окончательно утвердившегося в XVII столетии. От «Опытов» Монтеня до «Мемуаров» кардинала Реца и «Рассуждения о методе...» Декарта выстраивается целая палитра новых прозаических жанров во французской литературе, в то время как в Англии и Испании продолжают развиваться выдающиеся образцы поэтического языка и даже художественной прозы. Французское общество отдает предпочтение не литературе, предназначенной для избранных, а произведениям, написанным живым, разговорным языком. По словам историка Марка Фумароли, этот стиль был продиктован стремлением к ясности изложения и позволил французскому языку занять главенствующее положение, которым позже воспользуются французские интеллектуалы.

ГРАЖДАНСКИЕ, ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЙНЫ

Религиозными войнами принято называть конфликты, раздиравшие французское общество с эпохи Екатерины Медичи вплоть до принятия Нантского эдикта (1560 — 1598). Их ужас воплотила в себе резня гугенотов, устроенная католиками в Варфоломеевскую ночь 1572 г. Но подобное определение этих конфликтов, хотя и не лишено основания, не использовалось в ту эпоху. Сегодня же принято говорить о гражданской войне, в которой религия была скорее предлогом. «В этой распре, разделявшей Францию, каждый стоял за свое дело... прикрываясь ложью, словно маской», — писал Монтень в «Опытах». Современники называли эту эпоху «смутным временем», так же как в середине XX в. говорили не о войне, а о «событиях» в Алжире.

Успехи Реформации обеспокоили Генриха II до такой степени, что он принимает решение прекратить Италианские войны и подписывает Като-Камбрезийский договор. Компьенским эдиктом при Парижском парламенте была учреждена «Огненная палата», единственным приговором которой для протестантов была смерть. После гибели Генриха II на турнире его вдова Екатерина Медичи, флорентийка, более склонная к религиозным диспутам, старалась усмирить разгоревшиеся страсти, чтобы сохранить трон для своих сыновей — Франциска II, вскоре умершего, и Карла IX.

Между тем количество протестантских храмов увеличивается до 25 тысяч, а преследования только подливают масла в огонь; при этом Реформация охватывает и дворянские круги. Этот аристократический протестантизм, воплощением которого стала Жанна д'Альбре, королева Наварры и супруга Антуана де Бурбона, все больше стимулирует приверженцев протестантизма, «постепенно превращавшихся из наковальни в молот».

Королевской власти, ослабленной тем, что регентство находится в руках женщины, пришлось противостоять притязаниям принцев крови, в том числе Бурбонов, особенно Антуана, мужа протестантской королевы Наварры Жанны д'Альбре. Под флагом религии они составили оппозицию Гизам — герцогам Лотарингии, взявшим юного Франциска II под опеку и возобновившим репрессии, продолжив тем самым политику Генриха II. Так, на Гревской площади был заживо сожжен советник Парижского парламента Анн дю Бур. Идя на казнь, он произнес слова, свидетельствовавшие о его вере в действенную силу Божественной милости: «Господи, не оставь меня, чтобы и я Тебя не оставил» (1559). К Гизам присоединились Монморанси, убежденные католики, возмущенные тем, что

протестантские псалмы уже исполняются при дворе — у принцессы Конде и адмирала де Колиньи, защитника Сен-Кантена. Предмесье Сен-Жермен превратилось в маленькую Женеву.

Так началась борьба двух лагерей, имевших в своем распоряжении — поскольку в тот период королевство не вело внешних войн — орды вояк, как дворян, так и не дворян, и всевозможных «господ», по определению кюре Провена.

Екатерина Медичи пыталась нейтрализовать влияние обеих партий, привлекая их ко двору, где главы лагерей находились бы в поле ее зрения. Будучи довольно равнодушной к вопросам религии, она, опираясь на помощь канцлера Мишеля де Л'Опиталя, пыталась разрешить их, устраивая арбитражи или собрания с участием обеих сторон. Екатерина организовала религиозный диспут в Пуасси, в ходе которого богословы так и не пришли к компромиссному решению. Тогда она вынудила их признать Амбуазский эдикт, разрешавший протестантам публичное отправление культа — но только за пределами города — и проведение синодов.

Главы обеих партий решили воспользоваться сложившимся положением для борьбы с абсолютизмом, который утвердился при Франциске I; монархи пренебрегали многими обычаями, привилегиями и другими законами королевства. Но то, что приняло форму дворянского мятежа, скоро стало борьбой за власть между королем, дворянством и Генеральными штатами, собравшимися в Орлеане. Здесь произошло столкновение двух сил — сторонников реформы Церкви и ярых преследователей еретиков. «Недовольные» могли оказаться в любом из противоборствующих лагерей. Протестанты подвергали сомнению саму природу королевской власти, а поборники ультрамонтанства порицали все увеличивающуюся независимость монарха от папы.

В период семи Религиозных войн, начавшихся с резни гугенотов в Васси в 1562 г., изменился характер и цели борьбы обоих лагерей.

Первоначально протестанты намеревались сформировать на основе своих Церквей отдельное общество, параллельное католическому. Это они предполагали сделать там, где у них было много сторонников, прежде всего в Пуату, в долинах рек Рона и Гаронна. В этих областях большая часть дворян примкнула к новой религии, и их примеру последовали представители различных социальных групп, в первую очередь наиболее образованных людей: адвокаты, торговцы, ремесленники. Так гугеноты из религиозной силы превращались в силу политическую. На кону стояло освобождение короля от диктата Гизов. После Варфоломеевской ночи была подвергнута сомнению идея монарха как помазанника Божьего и все большее распространение получала высказанная кальвинистом

Теодором Безой мысль о том, что власть должна принадлежать народу, который в прошлом имел право выбирать короля.

Другой лагерь — так называемая «партия Бога», — группировавшийся вокруг Монморанси, Гизов, Монлюков, видел свою миссию в уничтожении всех противников установленного свыше мирского и Божественного порядка. Началась вербовка сторонников в народной среде с целью образования католических союзов, недовольных указами «политиков», утвердивших права гугенотов. Необходимо было создать партию, которая закрепила бы превосходство Церкви над государством, а также могла бы сопротивляться усилению абсолютизма.

Но были и те, кто не принадлежал ни к одному из лагерей и призывал положить конец убийствам и распрям. Одним из сторонников примирения был канцлер Мишель де Л'Опиталь, автор «Наставления государям» и «Проповеди мира» (1568). Герцог Алансонский, а затем и так называемые «политики» (выдающимся теоретиком среди них был Жан Боден, хотя он и менее известен, чем Мишель Монтень, автор вышедших в 1580 г. в Бордо «Опытов») также призывали противников к терпимости и сдержанности. «За партией, отстаивающей правое дело, я пойду хоть в огонь», — писал Монтень.

Резня гугенотов в Васси (1562), убийство герцога Франсуа Гиза (1563), покушение на де Колиньи и его убийство, Варфоломеевская ночь (1572), убийство герцога Генриха Гиза (1588), королей Генриха III (1589) и Генриха IV (1610) — все эти акты представляют собой целую волну насилия, которой французы не знали с эпохи Арманьяков и Бургиньонов.

По мнению поэта Теодора Агриппы д'Обинье, в основном именно паписты убивали наиболее слабых из своих противников.

Я вижу Францию скорбящей, удрученной,
Двумя младенцами на муку обреченной.
Тот, кто сильнее из них, сосцы ее схватил,
И вот пинками ног он брата отстранил.
Грудь материнскую терзая беспощадно,
Он долю братнюю уничтожает жадно*.

Столкновение началось как борьба между двумя дворянскими партиями — Гизами и Конде, а толчком к нему послужил неудавшийся Амбуазский заговор, в ходе которого протестант Ла Реноди не сумел арестовать Гизов. Но характер конфликта изменился, когда в 1562 г. во время резни

---

* Д'Обинье А. Трагические поэмы / Пер. с фр. Б. Парнаха. М., 1996.

гугенотов в Васси было убито 23 человека и более сотни ранено: солдаты герцога Гиза стали стрелять из аркебуз по гугенотам, находившимся на проповеди в городе, несмотря на изданный в январе эдикт. Герцог решил штурмовать амбар, в котором верующие собрались для молитвы. Известие об этом мгновенно распространилось и вызвало цепочку войн, насилия, покушений, засад, в которых своей жестокостью прославился барон Дез Адре, который сражался то в одном, то в другом лагере, а в Монбризоне бросал пленных в костер. Он объяснил Теодору Агриппе д'Обинье, что «хотя эту жестокость невозможно простить, его солдаты совершили ее, доказав тем самым свою исключительную храбрость».

Адмирал де Колиньи, ставший после смерти Антуана Бурбона одним из лидеров гугенотов, считал, что «войну необходимо вывести за пределы Франции».

И действительно, французские распри вылились в конфликт, шагнувший за границы страны. Папа и могущественный король Испании Филипп II вступили в смертельную битву с протестантской ересью, в основном с ее женевским толком, поскольку в Германии лютеранство было принято князьями и стало частью общего социально-политического устройства. Кальвинизм же вступил в бескомпромиссную борьбу с папским порядком, и это сопротивление стало серьезной угрозой для монархии, несмотря на то что во Франции протестанты считались верноподданными. Главного своего врага Филипп II видел в Нидерландах, поднявших восстание против Испании в 1566 г. — «чудесном году» (*heb wonderjaar*), когда гёзы, т.е. «нищие», на самом деле принадлежавшие к знати и буржуазии, провозгласили упразднение инквизиции и свободу вероисповедания, грозя «омыть руки кровью священников».

Для усмирения мятежных Нидерландов, охваченных восстанием от Амстердама до Валансьенна и Армантьера, Филипп II направил туда свои *терции**, которые считались самой грозной военной силой того времени. Испанское войско двинулось от Милана к Савойе, от Савойи к Бюже, Шампани и Лотарингии, находясь под контролем испанского короля и его союзников. Екатерина Медичи была настолько встревожена этим, что не осмелилась отказать в снабжении испанцам, когда те пересекали Шампань... За нанесенное монарху оскорбление должен был отомстить стоявший во главе терций герцог Альба, оставивший после себя на многие десятилетия страх перед испанцами, что было блестяще отображено в фильме Жака Фейдера «Героическая кермесса» (1935). Таким образом,

---

* *Терция* — пехотные части в составе испанской армии в XVI—XVII вв., состоявшие из пикинеров и аркебузирова.

в то время как Екатерина Медичи, встревоженная усилением могущества Филиппа, стремилась избежать какого бы то ни было конфликта, ее юный сын Карл IX и де Колиньи, напротив, полагали, что необходимо поддержать Вильгельма Оранского и Нидерланды, даже если они примкнут к Священной Римской империи и Англии, возросшая морская мощь которой начала беспокоить Испанию.

Так постепенно формировались две коалиции, включавшие те или иные государства и их правителей. В первый лагерь входили Филипп II, папа, шотландская королева Мария Стюарт, Гизы и герцоги Лотарингские, в другой — Женева, Нидерланды, Беарн, Англия, немецкие князья. И если Екатерина Медичи пыталась сохранить равновесие между враждующими силами, то сами протестанты и католики стремились разрешить конфликт с помощью силы.

На этот международный конфликт накладывалась и политика брачных союзов, призванная усилить альянсы между государствами. Так, Екатерина Медичи выдала свою дочь за испанского короля, а Жанна д'Альбре и Антуан Бурбон стремились к браку своего сына Генриха (будущего короля Генриха IV) и старшей дочери Екатерины Медичи и Генриха II — Маргариты, прозванной «королевой Марго». Именно она, благодаря своему уму и любовным похождениям, вдохновила Александра Дюма, а также различных режиссеров на создание художественных образов; роль Маргариты исполняли такие актрисы, как Жанна Моро и Изабель Аджани.

На самом деле женщины никогда не играли подобной роли в политической жизни: Жанна д'Альбре была образцом строгости и непреклонности, а ее противоположность — Маргарита — воплощала в себе женскую независимость, так плохо сочетавшуюся с жестокостью и нетерпимостью той эпохи; Екатерина Медичи, равнодушная к потрясавшим Европу распрям, прежде всего религиозным, но при этом дипломатичная королева-мать, была озабочена судьбой собственных детей. Первой из этих женщин умерла Жанна д'Альбре — она скончалась сразу после свадьбы своего сына и Маргариты, оказавшейся вскоре втянутой в кошмар Варфоломеевской ночи, ответственность за которую несла в какой-то мере Екатерина Медичи.

ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ (1572)

Говоря о тех, кто несет ответственность за массовую резню католиками протестантов 24 августа 1572 г., мы можем предъявить обвинение Екатерине Медичи, молодому королю Карлу IX, испанскому королю Филип-

пу II, имевшему возможность прямо или косвенно вмешаться в события, и некоторым другим людям. Действительно, оказав помощь восставшим Нидерландам и поддержав таким образом протестантов в их борьбе против Филиппа II, Карл IX и его министр, протестантский вождь Гаспар де Колиньи, имевший большое влияние на короля, навлекли на себя гнев католической аристократии — Гизов, Монморанси, герцогов Лотарингских. Даже у миролюбивой Екатерины Медичи, чуждой любым религиозным конфликтам, подобное вмешательство вызвало страх перед возможными тяжелыми последствиями этого похода для королевства. Филипп II был в зените своего могущества, а победа в битве при Лепанто над турками (1571) обеспечила ему такой престиж, какого не мог добиться ни один монарх тогдашней Европы. Между тем Франция упрочила союз с турками, чем окончательно прояснила свою позицию, подтвердив ее нидерландской экспедицией. И тогда Екатерина Медичи решила положить этому конец, заметив ко всему прочему, что ни Англия, ни немецкие протестантские князья не собираются поддерживать Карла IX в его начинаниях. Разве после этого подобную политику можно было назвать обдуманной?

В браке между Марго и Генрихом Наваррским Екатерина Медичи видела путь к примирению двух конфессий. Но действительно ли королева решила избавиться от де Колиньи и оплатила его убийство? Предположительно так оно и было, но и Гизы были так или иначе к этому причастны, ведь именно один из них первым перешел к действиям. Предположение, согласно которому покушение было организовано Филиппом II, не подтверждается ни документами, ни какими-либо свидетельствами и появилось, по-видимому, с целью отвести от королевской семьи подозрения, способные ее опорочить и дать пищу для разговоров протестантам. Кроме того, это помогало отвлечь внимание от всех тех злобных памфлетов и проповедей, которые в пылу борьбы с гугенотами распространяла католическая Церковь, разжигая фанатизм среди народа. Одним из яростных противников ереси был священник парижской церкви Св. Павла, называвший протестантов «духовными прокаженными» и призывавший к «священной войне», иначе «Бог истребит все и вся». Что же касается Карла IX, то он не был настолько набожным, чтобы «уничтожать во Франции министров и вождей, исповедующих ложную веру».

Так между собой перемешались формы этого конфликта. С одной стороны, в верхах, между протестантскими и католическими главами, шла борьба за власть, и каждая из сторон пыталась обосновать законность своих притязаний, причем религия в этом конфликте играла второстепенную роль. С другой стороны, в низах разгорался фанатизм, подогреваемый обе-

ими Церквями, но, прежде всего католической, черпавшей силу среди простого народа, представители которого с завистью взирали на ту значимую роль, которую протестантские крути играли во французском обществе.

В этой обстановке и произошло покушение на адмирала де Колиньи. Двадцать второго июня 1572 г. выстрелом из аркебузы ему раздробило левую руку и оторвало указательный палец правой руки. Сохраняя спокойствие, де Колиньи показал место, откуда был произведен выстрел, и продолжил идти вдоль Лувра. Его отвезли домой, где он попросил о встрече с королем. Но Екатерина Медичи решила помешать этому разговору один на один и превратила частную беседу в официальное выражение соболезнования по поводу случившегося: во время этого визита короля и Екатерину сопровождал двор, принцы крови, а вместе с ними и все враги де Колиньи. Покушение провалилось. При этом сразу стало известно, что квартира, из которой стреляли в адмирала, была снята одним из Гизов. Король потребовал отпущения, мать пыталась успокоить его, и это ей удалось. Но казалось, что это покушение разбередило рану гражданской войны.

На следующий день, 23 августа, состоялось совещание в узком составе, на котором преобладали крайне нетерпимые приверженцы католицизма, выступавшие против войны с Испанией. Трудно определить, какова была роль короля во всем этом... Согласился ли он, поддавшись давлению, сделать из де Колиньи и гугенотских вождей козлов отпущения, чтобы подавить недовольство среди народа? Или же санкционировал эту «политическую» резню, допуская, что де Колиньи стал пользоваться большим авторитетом, чем он сам? В любом случае было принято решение об устранении определенной группы гугенотских вождей, что свидетельствовало о полном крахе сторонников умеренной политики и о провале примиренческой позиции Екатерины Медичи. Двадцать четвертого августа по установленному сигналу герцог Гиз приблизился к дому де Колиньи с целым войском. Проникший в комнату выздоравливающего некто Бем спросил его: «Так ты и есть тот самый адмирал?» — «Юноша, тебе стоило бы принять в расчет мой возраст и мою слабость... Могли бы прислать несколько солдат, чтобы убить меня, а не этого грубияна!» Тогда Бем пронзил его насквозь своей шпагой... Услышав снизу звук удара, Гиз спросил: «Ты закончил, Бем?» — «Готово», — ответил тот. Сопровождавшие их солдаты взяли тело адмирала и выбросили его в окно.

В Лувре началась резня гугенотских предводителей: «Их тела на веревках тащили по улицам, словно околевших животных».

Колокольный звон дворца правосудия, послуживший сигналом к началу резни, стал похоронным звоном.

Провинции тоже оказались охвачены этим неистовством: с 24 августа оно перекинулось в Ла-Шарите, 25-го достигло Мо, 26-го — Буржа и Орлеана, 28-го — Анже, 31-го — Лиона и продолжало бушевать в остальных областях страны до начала сентября.

Общее число жертв, возможно, составило около десяти тысяч человек, из которых приблизительно пятая часть была убита в Париже.

Действительно ли приказ об уничтожении протестантов был отдан королем? По крайней мере, Гизы убеждали, что так оно и было. «Так повелел король, это была воля короля, его четкий приказ». И действительно ли считалось, что король исполнил свой долг, очистив страну от гугенотской «грязи»? Ведь многие воспринимали это как крестовый поход. Что касается Карла IX, то, предписав наместникам провинций восстановить действие эдикта о религиозном мире и придерживаться эдикта, он тем самым желал сократить число убийств протестантских вождей. Впрочем, с фактом резни он смирился: 26-го числа, выступая в парламенте, король заявил, что, санкционировав убийство протестантов, он хотел предотвратить гугенотский заговор.

Кроме того, принимая на себя ответственность за преступные действия, совершенные фанатиками, монарх желал утвердить всемогущество королевской власти. «Пусть французская корона и запятнала себя кровью жертв, но она узаконивает эту народную расправу, так как не может допустить, что эта расправа была совершена без соответствующей воли короля или вопреки ей».

И в другие исторические эпохи, при других обстоятельствах, власть принимала подобные меры, для того чтобы упрочить собственную законность. Разве не таким же образом поступили большевистские лидеры в 1918 г., поощряя насилие, перешедшее в результате всякие пределы. В книге Жанин Гарриссон «Протестанты в XVI веке» прослеживается эта же связь между преступлением, его инициаторами и жертвами.

«На следующий день, когда прошел первоначальный ужас, стали раздаваться голоса протестантов, требовавших мщения. Но они не стали обвинять народ, всех этих монахов, лавочников и судей низкого ранга. Они заклеили позором правителя, прикрывшего своим именем эту жуткую резню». Если в этой фразе «протестантов» заменить, например, на «меньшевиков» или других борцов революции, то место короля займет Ленин и его партия. Но отнюдь не народ.

Узнав о Варфоломеевской ночи, Филипп II рассмеялся от удовольствия, причем, если верить хронике, впервые в жизни. Английская королева Елизавета и ее двор встретили эту новость глубоким трауром.

Но, будучи лишь продуктом воображения, слова о протестантском заговоре все же обрели некоторую основу. События Варфоломеевской ночи придали им наполнение.

Правда, тогда в это верилось с трудом: протестанты были охвачены ужасом до такой степени, что многие из них спешно поменяли веру или покинули страну. Уже в сентябре в Женеву прибыло семьсот человек, а до конца года еще шестьсот. Другие бежали на юг страны: в Ла-Рошель, Ним, Монтобан. Протестанты Бордо добрались до Беарна, а нормандские кальвинисты перебрались в Англию. Таким образом, значительно сузилась география французского протестантизма, сосредоточившегося теперь на юге, а также в центральной и западной части страны.

И все же Варфоломеевская ночь, названная протестантами «днем Предательства», одновременно способствовала укреплению национального самосознания и вызвала появление оппозиции королю-тирану. Формирование новых сил сопротивления привело к созданию сепаратистского государства — гугенотской конфедерации (Соединенных провинций Юга), которая «временно и в ожидании, пока королевским волеизъявлением не будет восстановлено справедливое государство, станет осуществлять, оберегать и сохранять государственную власть по решению и постановлению штатов Франции». Так было образовано своеобразное гугенотское государство, к которому присоединились напуганные Варфоломеевской ночью католики. Причем перед их глазами был пример Нидерландов — государства (вскоре ставшего независимым), в котором соединились самоуправление и княжеская власть и где был создан парламент, состоявший из двух партий.

Однако во Франции это государство в государстве представляло собой временное образование, которое должно было распасться тогда, когда монархия вернется на путь справедливого правления.

И через тридцать лет гражданских и религиозных войн это удалось Генриху IV.

Историческая правда и художественная память

Если Реформация, Нантский эдикт и его отмена, судьба протестантов стали причиной «франко-французской» войны, в которой участвовали все, от Вольтера до Мишле и от «Аксьон Франсез» до инициаторов празднования четырехсотлетней годовщины Нантского эдикта в 1998 г., то жестокость Варфоломеевской ночи и другие страшные события эпохи Карла IX в еще большей степени послужили основой для художественных произведений. Именно эти книги, написанные в основном в XIX в., стали

основой для создания лубочных картинок о Религиозных войнах. В целом в этих романах, за исключением произведений легитимиста Бальзака, симпатии авторов были на стороне протестантов, причем республиканский строй в них отождествлялся с протестантизмом, а католицизм с монархическим абсолютизмом. И насколько Александр Дюма в романах «Королева Марго» и «Графиня де Монсоро» и Мишель Зевако в «Истории рода Пардальянов» старались в той или иной степени придерживаться документальных свидетельств, таких, как мемуары Блеза Монлюка, Пьера Брантома и Теодора Агриппы д'Обинье, настолько же Понсон дю Террайль безжалостно искажал факты и вольно обращался с хронологией. К примеру, он превратил Маргариту Валуа и Генриха Наваррского в пожилую чету, тогда как на самом деле в 1572 г. они только поженились. Или, например, сделал Генриха Анжуйского уже во время Варфоломеевской ночи польским королем, которым тот в действительности станет лишь в 1573 г.

Но самое главное заключается в том, что авторы воспоминаний и памфлетисты, вдохновлявшие всех названных писателей, создавали в своих произведениях образы большей частью ложные, но несущие в себе больше реальности, чем сама реальность. Это и Жанна д'Альбре, приехавшая на свадьбу своего сына и отравленная с помощью перчаток, надушенных парфюмером Екатерины Медичи, и выброшенный в окно обезглавленный труп адмирала де Колиньи, и Карл IX, «охотившийся» с аркебузой в руках на убежавших от своих мучителей гугенотов, и его трагический конец, мысль о котором преследовала короля после событий той ночи; и произнесенная им 24 августа фраза: «Убейте их всех до одного!» Эти театральные персонажи всегда предстают с одним и тем же набором карикатурных штампов: расчетливая жестокость Генриха Гиза или дьявольски изобретательный ум Екатерины Медичи (у Понсона дю Террайля), ее изящная рука, сжимающая рукоятку кинжала, который она повсюду носила с собой (у Мишеля Зевако), и малодушие Карла IX: «Делайте, что хотите, но не впутывайте в это меня».

Кинематограф продлил жизнь этим образам, продолжив рассказывать о шевалье де Пардальяне и королеве Марго, а значит, внес и свой вклад в деполитизацию событий Варфоломеевской ночи, в то время как историки, напротив, старались дать им новую оценку, делая упор на народном фанатизме и политической подоплеке действий гугенотов и папистов, далеких от какой бы то ни было набожности...

СМУТА В ГОСУДАРСТВЕ И БОРЬБА ПРОТИВ МОНАРХИИ

Последствия Варфоломеевской ночи оказались совершенно противоположными тем, о которых мечтали ее инициаторы: потеряв своих вождей, протестантская партия провела реорганизацию. Королева стремилась примирить вражду между представителями герцогского и королевского домов, удерживая их при дворе. Протестанты увидели в этом ловушку, жертвами которой они уже стали. Оказавшись вдали от Парижа и справившись с потрясением, испытанным в Варфоломеевскую ночь, они вновь начали набирать силу.

Война возобновилась от Ла-Рошели до Сансера и городов, расположенных на берегах Гаронны: их жители стали вооружаться и укреплять городские стены. Был подписан договор, предоставлявший свободу вероисповедания в Ла-Рошели, Ниме и Монтобане. Но контратака протестантов на этом не закончилась... После «измены», совершенной королем в Варфоломеевскую ночь, он в их глазах превратился в тирана. Дворяне и буржуа изменили отношение к монархии и, находясь вдали от центральной власти, образовали своеобразное гугенотское контргосударство, получившее название «Соединенные провинции Юга». Договор о создании этого государства был подписан в Андюз и официально утвержден на ассамблее в Мийо (1573). Таким образом, было создано некое подобие федеративной республики, включавшей многие южные, западные и центральные области Франции. Каждая из входивших в состав федерации провинций обладала автономией и имела собственный совещательный орган, напоминавший либо бывшие провинциальные штаты (как, например, в Лангедоке), либо отдельные штаты (как в Руэрге, Ажнэ, Керси). И хотя каждый из элементов этой структуры был продолжением старинных институтов власти, сам факт их ассоциации представляет собой настоящую революцию: выбрав себе покровителя — принца Конде, создатели федерации наделили себя также и теми правами, которых сами монархи добивались в течение долгого времени.

В образовании Соединенных провинций можно также увидеть зародыш нового, современного типа государства, основанного на воле народа (как и в Нидерландской республике), и в то же время — своеобразное воскрешение феодального порядка, поскольку абсолютная монархия утратила приобретения эпохи Франциска I.

Помимо территориального распада, означавшего в той или иной степени восстановление традиций феодального строя, во Франции началось и интеллектуальное брожение: была подвергнута сомнению природа

монархической власти. На этот раз протест исходил также от католических лиг: рассуждая в наступательном духе Контрреформации, они стремились добиться для Церкви и папы превосходства над королевской властью. Эти распри породили большое количество памфлетов и прокламаций, в которых говорилось о роли дворянства в управлении государством, гражданских свободах, о месте религии в жизни городов и даже о законности цареубийства. Все борцы с абсолютизмом, получившие название «монархомахи», создали первую в истории Франции группу политических теоретиков. К ним относился Франсуа Отман, автор «Франко-Галлии», в которой он пытался заклеить Римскую империю, подчинившую франко-галлов (*именно так!*), что означало скрытую критику папства. Другим представителем этого направления был Теодор Беза, в чьем трактате «О праве магистратов по отношению к подданным» утверждалось право подданных на свободу вероисповедания. А в приписываемых Этьену де Ла Боэси сочинениях говорилось о том, что верховная власть должна принадлежать народу, а точнее, его представителю — Генеральным штатам, сохраняющим монархический — но уже не абсолютистский — характер.

Таким образом, гражданские войны во Франции, поставив крест на веротерпимости, привнесли в конфликт новую цель: у гугенотов появилось стремление к государственному обособлению, чему прежде всего способствовала жестокость Варфоломеевской ночи, пробудившая в протестантах ярость и злобу.

В то же время движение католического обновления, связанное с Контрреформацией, таило в себе новые формы благочестия, возникавшие главным образом в религиозных братствах. Их основной идеей являлось создание идеального общества правоверных христиан; в то же время они были озабочены борьбой против кальвинистов и всячески стремились подчеркнуть это в своих процессиях. В 1583 г. в Париже мемуарист Пьер Л'Этуаль наблюдал шествие нескольких сотен пилигримов, «одетых в белое и несших в руках кто зажженные свечи, кто деревянные кресты; они шли по двое и распевали покаянные псалмы...». Людей с новой силой охватила жажда искупления грехов, а с ней вернулось самобичевание и упование на загробную жизнь...

Новый король, Генрих III Валуа, совсем недавно превратившийся из герцога Анжуйского в польского короля, узнав о смерти Карла IX, буквально сбежал из Польши. В Вене, как и в Венеции, ему был устроен торжественный прием. Он скорее торопился покинуть Краков, нежели вернуться в Париж. Ведь задержался же он Венеции, где, утомленный наслаждениями, покупал украшения и духи, становясь все более изнежен-

ным, чем когда-либо. Но от этого он не становился менее авторитарным, воинственным, себялюбивым и жестоким, что он вскоре и доказал, начав войну с гугенотами, главой которых стал Генрих Наваррский, и с присоединившимися к ним «недовольными», а также со своим младшим братом.

Наибольшему осмеянию подвергались фавориты короля — «миньо-ны», носившие искусно и причудливо завитые длинные волосы, украшенные маленькой бархатной шапочкой, как в те времена делали проститутки. И пахло от них не потом и порохом, а духами.

Но, будучи убежденным в ответственности, которую на него налагает титул монарха, Генрих III, решив, что его грехи навлекли на страну Божий гнев, учреждает Братство белых кающихся грешников при Обществе Девы Марии, а позже и при Обществе Смерти и Страстей Христовых. Правда эти проявления набожности не снискали Генриху III уважения ярых католиков, сомневавшихся в его искренности. И объединенные войска под началом его младшего брата, Франциска Алансонского, вынудили короля в 1576 г. подписать в Больё «мир Месье» (титул старшего из братьев короля), который узаконивал право протестантов на отправле-ние культа повсюду, кроме Парижа, и давал им разрешение на строительство крепостей. Кроме того, в этом эдикте было заявлено о созыве Генеральных штатов, которые вскоре собрались в Блуа, для того чтобы обсу-дить вопрос о соотношении полномочий штатов и власти монарха. Именно тогда получил широкую известность юрист Жан Боден, блестя-щая аргументация которого позволила низвести эдикт Генриха III до ста-туса указа короля, тогда как Генеральные штаты получили возможность утверждать законы королевства.

Так проявилось полное несоответствие между властью Генеральных штатов, в составе которых радикальные католики составляли большинст-во, и гражданской терпимостью: король признавался, что у него не было средств, чтобы поддерживать только одну религию в своём королевстве.

Но во Франции была и другая сила — реакционная Католическая ли-га, которая стремилась прибрать власть в государстве к своим рукам.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЛИГА, ВЕРВЕНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И НАНТСКИЙ ЭДИКТ

По прошествии нескольких веков 1598 год стал восприниматься как дата окончания Религиозных войн, точку в которых поставил Нантский эдикт. Этот закон о веротерпимости кажется еще более важным оттого, что он был отменен Людовиком XIV в 1685 г. — году, который стал роковым

для протестантов. Но тогда, в 1598-м, современники почти не проявили интереса к этому эдикту, ведь ему предшествовало большое количество сходных эдиктов, многие из которых в той или иной степени послужили для него основой. И наоборот, заключенный в то же время с Испанией Вервенский мирный договор представлялся современникам блестящей и славной победой, положившей конец многолетней угрозе, которая довле- ла над Францией.

Как же объяснить это противоречие?

В 1584 г., когда умер младший брат короля и последний сын Генри- ха II — Франциск Алансонский, ставший герцогом Анжуйским, начался кризис престолонаследия, поскольку Генрих III был бездетным. В соот- ветствии с Салическим законом корону должен был унаследовать протес- тант Генрих Наваррский (Бурбон), приходившийся Генриху III братом в двадцать второй степени родства и являвшийся потомком шестого сына Людовика Святого. Ненависть реакционно настроенных католиков к Ген- риху III, не сумевшему утвердить во Франции превосходство католициз- ма, была сопряжена со страхом перед будущим королем...

Эти настроения привели к созданию Католической лиги, бесспорным лидером которой стал Генрих Гиз, заключивший Жуанвильское соглаше- ние с Филиппом II и некоторыми французскими принцами.

В то время как происходило формирование этой дворянско-католиче- ской коалиции, в Париже возник тайный союз, состоявший из буржуазии и простого народа и управлявшийся «Комитетом шестнадцати» (главами шестнадцати парижских округов). Вскоре Комитет приобрел такую силу, что во время организованного им восстания, когда вышедший на улицу народ стал воздвигать баррикады, король Генрих III был вынужден бежать из столицы. Тогда, в 1588 г., представители большинства Генеральных штатов, собиравшихся в Блуа, члены Лиги и их сторонники намеревались установить контроль над королевской казной. И тогда Генрих III, побыв- ший польским королем и по опыту знавший, как быстро находящийся под надзором монарх теряет власть (как это не так давно было и в Англии), ре- шает начать борьбу.

Испания была ослаблена разгромом Непобедимой армады, Генрих На- варрский добился успеха в Пуату — настало время поквитаться с Лигой. Католическим вождям грозила та же расправа, которую они учинили про- тестантским лидерам во время Варфоломеевской ночи. Король Генрих III тщательно подготовил убийство Генриха Гиза, осуществленное личными телохранителями последнего, отряд которых носил название «Сорок пять» (эпизод, прославленный немым кинематографом в одном из первых исторических фильмов — «Убийство герцога Гиза» Шарля Ле Баржи).

Кардинал Лотарингский, брат герцога, также был убит по приказу Генриха III.

Как только распространилось известие об убийстве, «число членов Лиги за час возросло на сто тысяч человек». Сорбонна клеймила позором короля-тирана, обманувшего общественное доверие. В Париже и других городах проповедники, опираясь на неистовство, охватившее прихожан, устроили «настоящую революцию кюре». Хотя, конечно же, она опиралась также на сильное городское движение, выступавшее против постоянно растущих королевских налогов. Некоторые члены «Комитета шестнадцати», по сути, вели политику тирании, казнив, например, председателя Парижского парламента Бриссона, которого подозревали в желании договориться с королем; тем самым своими террористическими методами они, по мнению некоторых исследователей, предвосхитили практику революционеров 1793 г. Брат убитого герцога Гиза, герцог Карл Майенский, назначенный Лигой (узурпировавшей и это право монарха) генерал-лейтенантом королевства, решил покончить с насилием. Он боялся, как бы Филипп II не воспользовался смутой и не посадил на французский трон свою дочь. Но герцог не знал, с кем начать переговоры, ведь в 1589 г. короля Генриха III постигла участь Гизов: он был убит монахом Жаком Клеманом.

Париж охватило ожесточение, и уже трудно было понять, кто спровоцировал начавшееся сооружение баррикад: было ли это движение связано Филиппом II и Гизами или же явилось результатом заговора «Комитета шестнадцати». Как бы там ни было, оно носило скорее оборонительный, чем наступательный характер из-за вторжения в город королевских солдат. Таким образом, убийство герцога Гиза и короля Генриха III, а также арест головы парижских купцов превратили Католическую лигу в некое подобие «теневого власти»... Но присутствие в Париже испанского гарнизона вызвало недовольство народа, что было выгодно сторонникам примиренческой политики — «политикам». Эти нотабли, обеспокоенные крайними мерами, на которые шла Лига, мало-помалу продвигали совсем другое решение проблемы: вместо уничтожения протестантов они предлагали вернуться к политике мирных указов и заставить Лигу отказаться от насильственного обращения еретиков в католичество. Однако вовсе не вопросы веры стали причиной раскола Лиги, ведь, по сути дела, она представляла собой движение одних католиков против других; дело заключалось в том, что нотабли, осознав, что Лига угрожает их гегемонии, решили выйти из нее. Подобные противоречия подтверждают и революционный характер Католической лиги, о чем свидетельствует установленный ею «демократический» порядок, и в то же время ее реакционную

сущность, в чем убеждает в большей степени ее стремление к господству Церкви в государстве, чем антипротестантский пафос.

Тем временем харизма Генриха IV Наваррского приносит ему политические успехи, и он, вопреки всеобщему мнению, решает нанести удар. Одержав важную победу в битве при Арке (Нормандия) в 1589 г., он двинулся на Париж и встретился с армией Лиги в Иври, что на реке Эр. Военные успехи в сражениях при Пуасси и Мёлене побудили Генриха IV принять сражение с армией герцога Карла Майенского; при этом у Генриха было две тысячи кавалеристов против восьми тысяч у герцога и восемь тысяч пехотинцев против двенадцати тысяч у Карла. Но удача пока сопутствовала ему, и поэтому он не колебался.

«Друзья мои, с нами Бог, здесь Его и наши враги, здесь ваш король... Вперед, на врага! И если вам неостанет знамен, *смотрите на мой белый плюмаж* — вы найдете его на пути победы и славы».

И эта победа была одержана — благодаря воинскому пылу и призыву Генриха, обращенному к «своим» дворянам, защитить королевское достоинство от притязаний «иноземных заговорщиков», ведь «если и было народное возмущение, то оно шло с самых грязных низов общества, которые оно возмутило и взволновало...».

Но победа при Иври не стала для Генриха IV окончательной в его борьбе за трон: осадив Париж, он понял, что не сможет контролировать ситуацию, если Филипп II, герцоги Савойский, Майенский и Лотарингский сумеют объединить против него силы. Между тем герцог Майенский, официально руководивший Лигой, опасался, как бы его просто не использовали для достижения каких-то чуждых ему целей, тогда как он хотел найти решение, которое пойдет на пользу монархии, дворянству и всей Франции. И тогда Генрих IV совершенно ясно осознал, что обращение в католическую веру является неизбежным и единственным решением, способным примирить французов и покончить с войной.

Он официально объявляет об этом решении, на воплощение которого потребуется два года; затем последует его примирение с католической Церковью, коронация в Шартре (поскольку Реймс был в руках Лиги), въезд в столицу и, наконец, долгожданное отпущение грехов, данное папой в 1595 г.

Из всех этих событий в народную память сильнее всего врезалось отречение короля от веры, совершенное им 25 июля 1593 г.

Эта церемония, последовавшая за ужасами парижской осады и голода, больше напоминала пышное празднество. Все улицы, которые вели к церкви Сен-Дени, были усыпаны цветами. Король шествовал в сопровождении более чем пятисот дворян, швейцарских и шотландских гвардейцев, флей-

тистов и барабанщиков. На Генрихе IV был «камзол из белого атласа, отделанный белым шелком, белые туфли, черный плащ и шляпа того же цвета». Повсюду, несмотря на запрет, раздавались крики: «Да здравствует король!». У входа в церковь короля встречал архиепископ Буржский, восседавший на кресле, обитом белым узорчатым шелком.

— Кто вы?

— Я король.

— О чем вы просите?

— Я прошу быть принятым в лоно Римско-католической апостольской Церкви.

— Вы хотите этого?

— Да, я хочу этого и желаю.

Архиепископ протянул коленопреклоненному Генриху кольцо и ввел его в церковь. Король, стоя на коленях перед алтарем, прослушал мессу, произнес клятву, повторно заявил об отречении, исповедался и причастился.

«Да здравствует король!» — кричали все, от мала до велика, «плача от радости». Вечером король отправился верхом на вершину Монмартра, чтобы полюбоваться «Парижем, который стоил мессы».

Обращение Генриха IV в католицизм означало конец Лиги.

В «Диалоге между дворянином и крестьянином», затмившем славу сходной по своей направленности «Менипповой сатиры», четко, словно в политическом наставлении, говорилось: «...не пристало теперь ссылаться на Салический закон, а лишь на милость Бога и Церкви... Если Богу будет угодно дать нам короля-француза, пусть будет благословенно его имя; если короля-немца из Лотарингии, пусть будет благословенно и его имя; если короля-испанца, пусть и его имя будет благословенно. Ведь сейчас важна не нация, а религия...»

С обращением короля в католицизм необходимость в подобных рассуждениях отпала.

Генеральные штаты лишились возможности «выбрать другого короля», нежели Генриха IV, а герцог Майенский был обвинен в чрезмерной мягкости по отношению к радикальным представителям Католической лиги. Другими словами, партия Лиги была сыграна.

Сторонников Генриха IV становилось все больше, и в Лиге начался раскол. Париж был усмирен, народ вернулся к повиновению властям, и оставался единственный враг — испанские войска.

В это время Генрихом овладела мысль объявить войну Филиппу II, чтобы укрепить монархическую власть национальным сплочением французов.

Благодаря своему мужеству король выиграл у испанцев и Лиги битву при Фонтен-Франсез (1595), но скоро потерпел поражение при Дуллене

близ Камбре. Правда, это не помешало ему привлечь на свою сторону оставшихся членов Лиги, включая и самого герцога Майенского, который к этому времени уже подчинился и добивался расположения короля...

Испания больше не имела сил вести войну с англичанами и голландцами, грабившими ее колонии. И королева Елизавета решила поддержать Генриха IV, несмотря на его смену веры. Настало время зарыть топор войны между Францией и Испанией. Заключенный тогда Вервенский мирный договор восстановил условия Като-Камбрезийского мира: французский король вновь получил Кале, а судьба Бургундии должна была определиться позже. Но самым важным завоеванием Франции стал мир, подписанный Филиппом II, который умер почти сразу после этого события (1598). Обязанность же восстановления французской экономики была возложена на Максимилиена де Бетюна, герцога Сюлли.

Нантский эдикт, о котором сегодня вспоминают в первую очередь, вызвал у протестантов чувство горечи, поскольку для них было очевидно, что король, изменивший своей вере, пытался лишь успокоить католиков. Сподвижники короля по-разному отреагировали на его обращение в католицизм: если будущий герцог Сюлли и дипломат Дюплесси-Морне считали этот шаг необходимым, то Теодор Агриппа д'Обинье сожалел о нем... В основе эдикта и в самом деле лежало желание вернуть протестантов в лоно католической веры. В 148 пунктах нового закона недвусмысленно утверждалась свобода отправления культа по состоянию на 1595 г., кроме того, протестанты получали гарантию безопасности: им разрешалось иметь 150 крепостей, содержавшихся за счет королевской казны... Монарх также выделял средства для служителей протестантского культа и разрешал гугенотам проведение политических собраний в присутствии королевского судьи. Таким образом, этот закон в определенной степени воспроизводил Сен-Жерменский эдикт 1562 г., только с более существенными военными гарантиями.

Смуты и войны, сопровождавшие воцарение Генриха IV, способствовали восстановлению автономии крупных феодалов с их княжествами, привели к ослаблению протестантов как силы, способной конкурировать с традиционной монархией, и вызвали крах партии папы, стремившегося вместе с католической Церковью упрочить свое превосходство над королевской властью. Поэтому, как это ни кажется парадоксальным, на исходе длившихся тридцать пять лет междоусобных и религиозных войн именно французская монархия оказалась в конечном счете в выигрыше. Можем ли мы считать Генриха IV тем, кто восстановил во Франции абсолютизм? Состоятельность этой гипотезы будет проверяться в последующие десятилетия.

Убийство «добротого короля Генриха IV»

Четырнадцатого мая 1610 г. после полудня Генрих IV в сопровождении герцога д'Эпернона выехал в карете из Лувра. Он поехал по узкой улице Ла-Ферронери, загроможденной телегами, и потому движение кареты было затруднено. Этим воспользовался какой-то человек: он приблизился к королю и нанес ему первый удар ножом. Д'Эпернон, читавший Генриху письмо, не смог остановить нападавшего, и тот нанес второй удар — оказавшийся смертельным.

Убийца, Франсуа Равальяк, так и остался стоять на месте, держа в руках нож... Д'Эпернон помешал охране убить его, и Равальяк был отведен в особняк, известный как «Отель-де-Рец». Вскоре над ним состоялся суд, на котором он был обвинен в совершении злодеяния, самого страшного из возможных, — «в нанесении вреда здоровью Его Величества, божественного и человеческого». Сначала Равальяк был подвергнут пытке сапогом — в его колени и лодыжки молотком вбивали клинья; рука, в которой он держал нож, была сожжена в серном пламени. Потом убийца, привязанный за руки и за ноги к четырем лошадям, был четвертован... Едва он умер, толпа бросилась к растерзанному телу и сожгла его останки. Перед казнью Равальяк признался своему исповеднику, что совершенно удивлен яростью толпы. «Я полагал, что все эти люди будут признательны мне, но вижу, что они готовы привести лошадей для моего четвертования».

Был ли Франсуа Равальяк лишь простым фанатиком, как это записано в Романе о нации? И правда ли он действовал в одиночку? Этому вторит и легенда о добром короле Генрихе. Разве не он положил конец Религиозным войнам? И не он ли, с помощью Сюлли, вернул «пахоту и пастбища, обеспечив каждого воскресной курицей в супе»? И хотя его веселый нрав, распутство и любовные похождения не могли понравиться благочестивым христианам, Генрих IV воспринимался прежде всего как символ терпимости (в XVI в. под этим подразумевалась «готовность терпеть»), вот почему сторонники Третьей республики пели ему оды...

Хотя факт существования заговора, в котором якобы участвовал Равальяк, не был доказан, все же его поступок отражал чаяния некоторых представителей католических кругов. Например, в 1610 г. в Бретани, в городке Сен-Тегоннек, была установлена скульптура, изображавшая короля в образе палача, бичующего Христа: тем самым автор желал изобличить в Генрихе гугенота. В Лотарингии больше, чем где-либо, мечтали о Равальяке. По правде говоря, недоверие и ненависть к королю были вызваны его происхождением и чрезмерной, в глазах католиков, снисходи-

тельностью к протестантам, начиная с утверждения Нантского эдикта. Католики сомневались в искренности его обращения в их веру, и Равальяк был одним из тех, кто верил в то, что Генрих собирается начать войну против папы.

Поэт Альфонс де Рамбервийе написал стихи в честь Филиппа Эммануэля Лотарингского, герцога де Меркёра, который по просьбе императора защищал Венгрию от турок и сражался с Генрихом в Бретани. В них есть следующие строки:

Пусть возведут в сердцах монархи Веры Храм,
Пусть сохранят его в сраженьях государи,
Желая, чтоб корона послужить могла тиаре,
А вовсе чтоб не Церковь подчинялась королям*.

Именно ослабление влияния Церкви вызвало главные претензии католических кругов в адрес Генриха IV, что и породило предположение о том, что нож в руку Равальяка якобы вложили иезуиты.

Но в действительности идея цареубийства имела более глубокие корни. Она созрела еще во времена Варфоломеевской ночи, когда «плохой государь» взял на себя ответственность за совершенные преступления, и, являясь предметом многих религиозных споров, в итоге стала обоснованием для убийства Жаком Клеманом Генриха III. Будучи союзником заклятых врагов Церкви — Республики Соединенных провинций и Англии — и занимаясь подготовкой войны против Испании и Габсбургов, Генрих IV заслуживал, по мнению бывших сторонников Лиги, правоверных католиков и испанского короля, титула «тирана-узурпатора», а также смерти¹.

ОТ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ К ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Начиная с Генриха IV, французская монархия встала на путь укрепления, что выразилось в развитии государственного аппарата, создании бюрократии и в подчинении монархом феодальной аристократии. Этот процесс

---

* Пер. с фр. П. Тимофеева.

¹ Можно ли проводить аналогии между подобными событиями? Когда в 1948 г. был убит Ганди, в национальной памяти индусов это убийство сохранилось как акт, совершенный фанатиком-одиночкой. Но допрос показал, что он был членом враждебной Индийскому национальному конгрессу индуистской организации, пришедшей к власти в 1996 г. Подобным образом и католики — противники Нантского эдикта добились его отмены в 1685 г.

укрепления после регентства Марии Медичи и Кончино Кончини было доведено до логического завершения кардиналами Ришельё и Мазарини. Возникновение Фронды стало последним актом сопротивления феодалов центральной власти. В 1614 г., при Кончини, Генеральные штаты созывались в последний раз до Французской революции.

Усиление монархии, ее сохранение в годы Религиозных войн в итоге привели к участию Франции в более крупном конфликте, теперь уже европейского масштаба, — Тридцатилетней войне.

Создание королевского двора в Версале при Людовике XIV стало символом полной победы абсолютизма, а сплоченность двора вокруг короля свидетельствовала о подчинении дворянства. Вместе с тем затраты на возведение роскошного дворца и ведение войн, а также сокращение органов власти, служивших посредниками между королем и народом, — парламентов, органов городского управления, штатов — привели к изоляции власти от подданных, стонавших под бременем королевских повинностей. В конце правления Людовика XIV Великого Франция пребывала в нищете.

И если создание версальского двора стало реваншем короля за Фронду, то после 1715 г. уже двор отыгрался на монархе, обладавшем абсолютной властью. Если не считать того, что в период регентства, а затем при королях, не обладавших сильной политической волей, Парижский парламент, а затем и другие парламенты вернули себе значимую роль.

В противостоянии Версаля, символа королевской власти, и Парижа, символа прочих социальных сил, равновесие исчезает в тот момент, когда у национальной элиты меняются настроения и нравы. Во времена Людовика XIV монарх сам выбирал наиболее способных царедворцев, чтобы те служили ему и прославляли его. Но придворные писатели боялись прямо критиковать государственное управление и ограничивались в основном разбором человеческих страстей. Напротив, философов XVIII в. занимали исключительно государственные и общественные вопросы. Именно они сформировали институт общественного мнения, который оценивал власть и выносил ей приговор. Это был прямой путь к реформам и Французской революции.